

А. К. Матвеев

ТОПОНИМИЯ УРАЛА КАК ПАМЯТНИК ЯЗЫКА И ИСТОРИИ

Человечество в своем большинстве воспринимает язык как данность, как то, что не требует осмысления и бережного отношения. Однако язык не только орудие общения, язык — бесценный памятник истории и культуры народа. Но языковые факты легко тонут в реке забвения. История языков — это непрерывные и невосстановимые утраты.

Уральский регион с его бурной историей и демографическими потрясениями — не исключение. Сто лет тому назад венгерский языковед Б. Мункачи и финский лингвист А. Каннисто еще записывали мансийскую речь в населенных пунктах по рекам Пелым и Тавда, т. е. на территории северо-востока Свердловской области. Автору довелось говорить уже с последним носителем пелымского диалекта — Денисом Мультиным, типичным манси по облику, который, однако, помнил только несколько слов родного языка. Чуть позднее были зафиксированы и последние речения тавдинских манси. Сходные процессы происходят и среди русского населения. Под мощным давлением литературного языка и просторечия исчезают русские народные говоры, хранители бесценной информации о старинном русском быте, культуре, менталитете.

Можно по-разному относиться к этим процессам и их историческому смыслу, но в любом случае исчезновение языка или диалекта и соответственно определенного этноса всегда трагично. Перед учеными же встает сакраментальный вопрос: все ли было сделано для того, чтобы умирающий язык засвидетельствовать и сохранить его как памятник языка и истории, по информативной значимости не менее ценный, чем сокровища материальной культуры.

Топонимы — географические названия — тоже факты языка, нередко исчезающие целыми пластами на наших глазах. Но иногда у них бывает более счастливая судьба, чем у других слов. Это связано с тем, что топонимия, в силу своей множественности, формульности, жесткой прикрепленности к месту, а также способности одновременно обслуживать разные этносы, может сохраняться в течение веков и даже тысячелетий. В ней живут новой жизнью как слова древних языков, иногда единственные свидетельства о давно исчезнувших народах, так и архаические речения родного языка, содержащие в себе ценную информацию о самом языке, об истории народа и его культуре.

Топонимия Урала давно привлекла внимание ученых. Еще в XVIII веке В. Н. Татищев и П. С. Паллас пытались проникнуть в тайны происхождения названий нашего края, иногда с успехом, иногда наивно и беспомощно. Так или иначе проблема была поставлена, однако пона-

добилось два столетия, чтобы появились первые уральские топонимические словари¹. С чем связана такая задержка? Во-первых, с объемом материала (в нашей области несколько сот тысяч топонимов, на всем Урале — их миллионы), во-вторых, с его крайней пестротой, обусловленной многоязычностью населения как в настоящем, так и в прошлом. Но самое главное, надо было знать не отдельные факты, а такое их множество, которое позволило бы обнаружить определенную систему. Необходимо было собрать материал как у населения, так и в письменных источниках. Для реализации этой цели сорок лет назад начала работать топонимическая экспедиция Уральского университета. Территория, охваченная ее деятельностью, огромна: Урал, Русский Север, Западная Сибирь.

Если не касаться географических названий Крайнего Севера, имеющих свою специфику, топонимическое районирование Урала в основном совпадает с его традиционным членением на Северный, Средний и Южный.

На западном склоне Северного Урала господствует топонимия коми, на восточном преобладают мансийские географические названия. Топонимистам университета удалось осуществить ряд удачных экспедиций в эти труднодоступные районы, собрать там обширный материал и исследовать структуру и значение местных топонимов. Значительная часть их была включена в первый в нашей стране оронимический словарь, т.е. словарь названий гор и хребтов².

В процессе этой работы были установлены существенные отличия между коми и мансийской топонимией. Коми приняли христианство в XIV веке, их топонимия прошла через многолетний религиозно-культурный и языковой фильтр, утратив в основном языческие черты и древнюю образность. Напротив, манси стали христианами сравнительно недавно (в XVIII веке), в глубине души оставаясь язычниками. Отсюда удивительная яркость и образность мансийских топонимов, которые содержат ценные сведения о мансийской религии, мифологии и истории.

Так, в топонимии самых разных народов мира горы получают названия со значением «Старый человек». Признак старости, древности, вечности гор по сравнению с человеком — семантическая универсалия, которая представлена и в мансийской топонимии, но у манси она имеет два способа реализации.

В первом случае семантическая модель «Старый человек» претерпевает значительную метаморфозу. Уральский хребет делится на своего рода округа. В каждом таком округе возвышается свой *Нёр-Ойка*, т.е. «Старик Урал» или «Хозяин Урала», который должен стеречь Уральский хребет и помогать манси. Разумеется, ему надо приносить жертвы. При этом один из этих каменных богов — в вершине Северной Сосьвы — был главным, ему подчинялись остальные.

В другом варианте древность гор подчеркивается сравнением с событиями времен всемирного потопа. При этом выясняется, что горы старше, поскольку высокие вершины, по поверьям, оставались сухими, и там спасались люди и животные. На горе *Холат-Сяхыл* («Гора мертвецов») во время потопа искали убежище девять манси, но они умерли от голода, откуда и название.

В мансийских топонимах такого рода и связанных с ними легендах и обычаях в синкретическом единстве выступают язык, фольклор, мифология и религия. Но из топонимии манси можно извлечь и достаточно достоверные историко-лингвистические сведения.

В настоящее время манси — оленеводы, которые пасут свои стада на горных пастбищах. Понятно, что каждая гора, перевал, скала получили у них свое особое обозначение. Но что поразительно: главный хозяйственный персонаж — олень — почти не упоминается в топонимии, зато неоднократно отмечены названия типа *Лув-Нёр* — «Конь-Камень» и другие подобные оронимы. Эти наименования связаны с характерным для манси культом коня, который отражает их былой коневодческий быт, а в прошлом находил также выражение в жертвоприношении белой или пегой лошади, подробно описанном в дореволюционных источниках по этнографии. Отсюда вывод, что манси, как и их ближайшие сородичи венгры, когда-то жили южнее и занимались коневодством, но затем под давлением более мощных кочевых племен отошли на север и в конце концов стали оленеводами. Другой небезынтересный момент: многие названия рек Северного Урала (*Вишера, Лозьва и др.*), а иногда и гор не имеют мансийских этимологий. Они явно принадлежат какому-то более древнему населению, может быть, родичам современных ненцев, живущих в полярных тундрах. Это также свидетельствует о том, что манси не являются аборигенами, а пришли на Северный Урал из других мест.

На Южном Урале видим совсем другую картину. Здесь господствует тюркская (башкирская и татарская) топонимия, которая образует верхний слой названий. Топонимия Южного Урала, естественно, привлекает прежде всего башкирских ученых, и они сделали немало в области изучения структуры и семантики тюркских географических названий, но и здесь наши экспедиции собирали материал для оронимического и других словарей. Сама по себе тюркская топонимия изучена уже достаточно хорошо. Проблему создают довольно многочисленные дотюркские названия, подступы к «расшифровке» которых серьезно затрудняются их переработкой в тюркской среде. А между тем интерпретация дотюркских названий может иметь радикальные последствия для реконструкции лингвоэтнической карты Южного Урала в древности. В свое время мы активно участвовали в разработке и обсуждении двух труднейших вопросов, связанных с происхождением субстратной топонимии Южного Урала, а именно с поиском древневенгерских и иранских топонимических реликтов в этих местах. Был предложен ряд этимологий субстратных топонимов, но в целом проблема оказалась очень сложной и «прорывных» исследований в этой области пока нет. Однако фактов довольно много, и надо надеяться, что рано или поздно ключ к ним будет подобран.

Весомее результаты изучения топонимии Среднего Урала, для которой характерен верхний русскоязычный слой и довольно многочисленный, но очень пестрый и неравномерно распределенный по территории дорусский субстрат.

Средний Урал, где горы очень низкие, а перевалы иногда, например близ Екатеринбурга, вообще незаметны, не представлял собой какого-либо препятствия для кочевников. Он был в древности и в Сред-

ние века настоящим проходным двором. По этой причине в некоторых местах, особенно в средней части Зауралья, между Турой и Исетью, уцелели буквально «обломки» былых топонимических систем. Топонимия здесь исключительно трудна для исследования. Чем севернее, тем она однороднее и прозрачнее, поскольку обрусение здесь произошло недавно.

Недавно был опубликован первый топонимический словарь Свердловской области³. Экспедиции в Гаринском и Таборинском районах в полном смысле слова спасли топонимию пелымского и тавдинского диалектов мансийского языка. Здесь был записан «свежий» субстрат: местные манси уже забыли свой язык, но родную топонимию еще хорошо знали. Этот материал был впоследствии квалифицированно обработан Г. В. Глинских и сохранен для будущего⁴. О. В. Смирнов, работая в архивах, выявил интересные факты топонимии давно вымерших диалектов мансийского языка — южнососьвинского, верхотурского, чусовского⁵. Е. Э. Иванова подробно описала топонимию среднего течения реки Чусовой⁶.

Из других результатов надо особо выделить следующие.

1. Получены доказательства того, что в северной части Среднего Урала манси пришли на смену древнему хантыйскому населению. Название самого большого озера нашей области — *Индра* — в Тавдинском районе и таких рек, как *Ляля* и *Оус*, убедительно объясняются из хантыйского языка. Более того, есть основание думать, что древнее обско-угорское население, возможно типа хантов, некогда (до тюрков) обитало и далее к югу — между Турой и Пышмой. Во всяком случае, такие названия, как *Нейва*, *Пышма*, *Тагил* и некоторые другие, лучше всего объясняются тоже из хантыйского языка.

2. Выявлен мощный клин названий коми, идущий от Уральского хребта на восток. Его основание — условная линия, которая соединяет истоки Южной Сосьвы и Нейвы, а острие направлено к месту слияния Ницы с Турой. Эти названия (*Косьва*, *Лобва*, *Сосьва*, *Ясьва* и т.п.) распространены в основном на той же территории, что и русские топонимы, образованные от названия народа *зыряне*, как русские раньше именovali коми (*Зырянка*, *Зырянский* и т.п.). Первоначально считалось, что как те, так и другие — начиная со времен Ермака, распространялись коми-зырянскими проводниками русских воинов, но вероятнее, этот примечательный клин образовался в результате переселения различных групп коми вместе с русскими в период освоения Урала.

Вместе с тем оказалось, что некоторые названия, образованные от этнонима *зырянин* (от финского *surjainen* — ‘крайний’), могут быть связаны не с коми, а с другим народом, жившим по реке Устья в бассейне Северной Двины — загадочной *зырью*, имя которой было перенесено в XVI—XVII веках на северных коми (*пермяков* или *пермян* русских летописей). Кем были эти двинские зыряне, окончательно пока не установлено, возможно, родичами волжских мерян или какой-то ветвью Чуди Заволочской. Так или иначе, но со временем они были захвачены русским переселенческим движением, оказались в Зауралье и обрусели. Поэтому и в наши дни на Русском Севере реку называют *Устья*, жителей ныне русских деревень на ее берегах — *зырь*, глухой заболоченный лес — *лагмас*, а в Пышминском районе Свердловской

области деревня именуется *Устьянка*, другая — *Зыряны*, есть и урочище *Лагмас*, хотя никто уже не знает, что обозначает это слово.

Отсюда следует, что переселенческий поток XVII—XVIII веков захватил не только русских, но и некоторые финно-угорские народы, которые находились на том или ином этапе обрусения. Это позволяет понять, каким образом среди чисто русских названий населенных пунктов вроде *Ивановка* или *Липовка* появились наименования типа *Карелы* или *Черемисское*.

3. В настоящее время можно довольно точно обозначить ареал тюркской субстратной топонимии на территории Среднего Урала, прежде всего татарской, северная граница распространения которой идет примерно от Шамар к Нижнему Тагилу, затем к Кушве, Верхотурью и далее по Туре, т. е. она кое-где пересекается с южной границей прежнего мансийского ареала. Тюркских названий много и в окрестностях Екатеринбурга (*Шарташ*, *Билимбай* и т.п.). Но далеко не все из них являются собственно татарскими. На востоке Свердловской области безусловно преобладает западносибирско-татарская топонимия с ее характерным цоканьем (старинное название села Чубаровского в Ирбитском районе было *Цубартура* при казанско-татарском *Чубартура* — «Пестрый город»). На юге области и в окрестностях Екатеринбурга заметное место принадлежит башкирским названиям, которые, однако, нелегко отличать от татарских. Наконец, в Предуралье обнаружены следы пребывания волжских болгар — энергичных предпринимателей и торговцев своего времени, государство которых было уничтожено монголами в XIII веке. Волжские болгары — особая ветвь тюрков, их родичами считаются современные чуваша. Показательно, в частности, гнездо речных названий в бассейне Бисерти к западу от Дружинино — *Барышан*, *Киргишан*, *Чикишан*, в повторяющейся части которых опознается чувашское *сан* — ‘рукав’, волжско-болгарское *шан* — ‘рукав’, ‘проток’, ‘приток’.

В заключение заметим, что у топонимистов Урала впереди огромная работа — систематизация и изучение уже собранного, а также составление топонимических словарей, но главное — все-таки успеть зафиксировать то, что исчезает на наших глазах, и прежде всего микротопонимию — названия малых объектов. При этом надо всегда помнить, что географические названия хранят память не только о прошлом ныне живущих народов — русского, коми, татарского и других, но и о тех, которые давно ушли с исторической сцены и о которых других языковых источников не существует. Найти и восстановить то, что удастся, — наш святой долг.

¹ См.: Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск, 1980; Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.

² См.: Матвеев А. К. Вершины Каменного Пояса. Челябинск, 1990.

³ См.: Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области: Топоним. слов. Екатеринбург, 2000.

⁴ См.: Глинских Г. В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.

⁵ См.: Смирнов О. В. Русская топонимия северной части горнозаводского Урала: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

⁶ См.: Иванова Е. Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.